

ВИЛЬЯМ СМИТ

ПАМЯТИ ЛОСКУТНОЕ
ПОКРЫВАЛО

Вильям Смит

Памяти лоскутное покрывало

«Издательские решения»

Смит В.

Памяти лоскутное покрывало / В. Смит — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-568094-5

В книге собраны драгоценные «лоскуты» воспоминаний автора о своей жизни, увлечениях и убеждениях, о первой любви, друзьях и учителях. Составители: Л. Щелокова и Е. Смит.

ISBN 978-5-00-568094-5

© Смит В.
© Издательские решения

Содержание

Два года в Темиртау	6
Темиртау – 1. Что же это за место такое и как меня туда занесло?	7
Темиртау – 2. Начало новой жизни	11
Темиртау – 3. «Сконапель ля поэзи» или Как я пристрастился к поэзии	14
Темиртау – 4. Личная ретроспектива: сильные личности в моей молодости и «страсти-мордасти»	22
Темиртау – 5. Чего я там искал и что нашел?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Памяти лоскутное покрывало

Вильям Смит

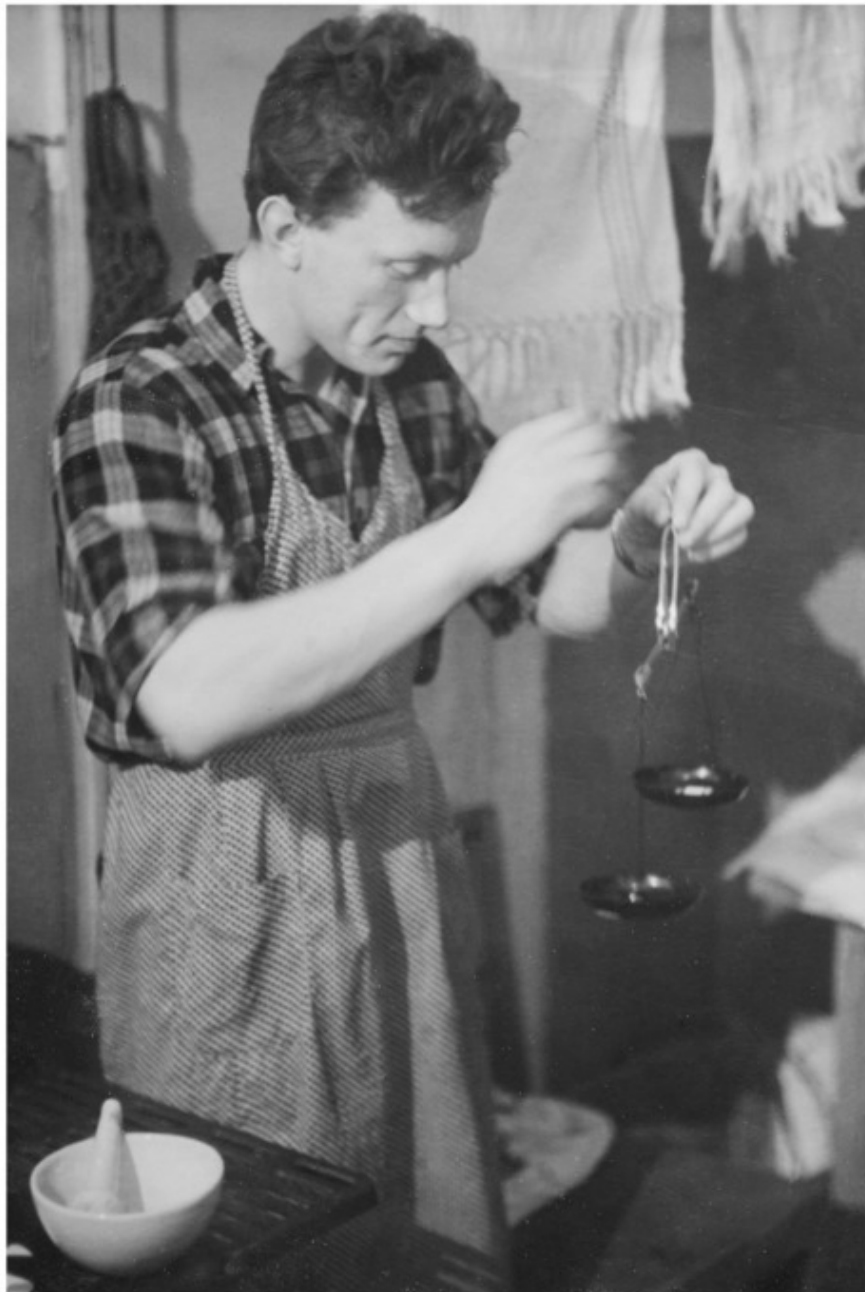
Моя жена Мила очень искусно делает замечательные покрывала из лоскутов. Вот и я решил попробовать сделать что-нибудь привлекательное из тех кусочков жизни, что лучшие всего сохранились в моей памяти.

© Вильям Смит, 2022

ISBN 978-5-0056-8094-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два года в Темиртау

Вильям Смит, химфак, 1950 г.

Темиртау – 1. Что же это за место такое и как меня туда занесло?

Преамбула. Если говорить о наиболее памятных событиях моей молодости, то в первую очередь вспоминается все то, что было так или иначе связано с моим двухлетним пребыванием в городе Темиртау после окончания химфака МГУ в 1953 году. В своей предшествующей книжке «Я воды Леты пью» я уже рассказывал о причинах, побудивших меня почти добровольно выбрать такое, мягко говоря, необычное место работы для выпускника МГУ с красным дипломом.

Могу только вдобавок вспомнить, что сама процедура распределения оставила во мне самое гнусное впечатление на всю жизнь. Членов комиссии совершенно не интересовало, что я за человек и каковы мои интересы к каким-то областям химии, равно как им было совершенно не важно, где бы я хотел работать.

Самые первые вопросы просто сбили меня с толку: «Откуда у Вас такая фамилия? Национальность Вашего отца и его подданство? А чем он занимался до революции? А девичья фамилия матери?». Помнится, я был совершенно ошеломлен и не мог понять, какое все это могло иметь отношение к моим деловым качествам и, вообще, в чем был смысл этого допроса. Я как-то тогда отключился от реалий нашей жизни, где уже прошли кампании против «безродных космополитов», «сионистов» и «врачей-отравителей». Видимо, я ошибочно полагал, что со смертью Сталина все это безумие должно было закончиться. К тому же я был настроен довольно благодушно, поскольку накануне мой шеф доцент Кост доверительно сказал мне, что на меня есть с полдюжины запросов из разных мест и беспокоиться мне не о чем.

Потом меня попросили выйти, а через полчаса позвали, чтобы сообщить, что для меня нет ни одной вакансии в научных лабораториях, и мне предложено на выбор несколько позиций учителя химии в средних школах в провинции. «Я не хочу, не умею и не буду преподавателем» – был мой ответ. Последовал короткий диалог: «А Вы что, считаете себя способным к научной работе? – Да, считаю и подтверждением этому могут послужить приложенные к моему Делу копии двух научных статей с моим авторством, отправленные в печать!». Никакого впечатления на комиссию это не произвело. Кост, как и другие мои преподаватели, также отмолчались и на меня старались не смотреть. После чего мне напомнили, что у меня в дипломе отмечено, что я могу преподавать химию в средней школе. Я снова попытался отбиться, указав, что никакой педагогической практики у нас не было, и нас готовили исключительно к научной работе. Но «поезд уже ушел», за мной записали отказ от распределения и предложили прийти через день.

Ну, а через день к списку предлагаемых мне вакансий добавили еще должность сменного химика в Мосочистводе, отметив, что это очень ответственная должность. Я было стал отказываться от этого лестного предложения, но мне разъяснили, что второй отказ уже неприемлем, и посоветовали подумать.

Разозлился я неимоверно. Дня три ходил в совершенно опущенном состоянии: в самом деле – в моем дипломе не было ни одной четверки, моя работа была признана одной из лучших, я считался одним из самых перспективных студентов курса, и мои преподаватели сулили мне успешное будущее в науке. И что же в итоге – оказалось, что все мои академические успехи и достижения: то, что я был одним из первых на нашем курсе – все это не имеет никакого значения, по сравнению с моей сомнительной фамилией, странной родословной и неопределенной национальностью. Получалось, что такие люди, как я, в советской науке не востребованы, с чем мои уважаемые преподаватели спорить не захотели!

Мои друзья и родные пытались как-то меня утешить, объясняя, что «наплюй на все, главное – что оставили в Москве, а все остальное может еще как-то измениться впоследствии».

Но мне тогда было настолько противно, что хотелось только одного: послать подальше эту Москву с ее университетом, высоколобыми и трусливыми профессорами и их наукой, и куда-нибудь бежать, чтобы никого не видеть. Почти детская реакция – раз вы меня не хотите, то и мне вас и подавно не надобно!

Было ясно, что от Мосочиствода надо избавляться, но как? И тут я вспомнил, что в перечне заявок на выпускников были еще и химические лаборатории заводов, которые никто даже не хотел рассматривать. Среди них лаборатория завода по производству синтетического каучука в городе Темиртау где-то в Средней Азии. Я немедленно раздобыл школьный атлас и быстро нашел, что город Темиртау расположен в Кемеровской области, в предгорьях Алтая – «А что, это мне подойдет!» В те времена я был фанатиком альпинизма и просто мечтал о том, чтобы жить в горах. А если там будет еще работа в химической лаборатории, то лучшего мне и не надо. К тому же мне тогда в руки попала книжка «Химия ацетилена», где рассказывалось о блестящих работах немецкого химика Вальтера Реппе, выполненных в химической лаборатории фирмы Буна в Шкопау, и я почему-то решил, что нечто подобное ждет меня и здесь.

На следующий день было последнее заседание комиссии, и ее члены изрядно удивились, увидев меня. «Вам чего надо, собственно говоря? Вы же уже подписали путевку!» – «Но я хотел бы ее поменять на другую, а именно на сменного химика в химическую лабораторию завода в Темиртау». Члены комиссии обомлели от изумления: две заявки от Минхимпрома лежали невостребованными уже две недели, и им предстояло как-то оправдываться перед начальством за такое явное упущение, а тут такое счастье привалило. Мне быстренько переоформили путевку, и уже через полчаса я вышел, свободный от каких-либо обязательств, кроме очень неопределенных перед химическим заводом где-то в Азии.

И отец, и мама меня одобрили – пора уж мальчику начинать самостоятельную жизнь! Отец мое решение воспринял, как проявление «железной воли» (Iron Will) – качество, которое он особо ценил и хотел во мне видеть. «Умные» старшие товарищи, конечно, осудили меня за почти детскую наивность и безрассудство. Я же им отвечал, что они ничего не понимают, а вот всем назло я через два-три года вернусь и поступлю в аспирантуру уже по своему выбору!

На это скептики мне предсказывали, что «от этих добрых намерений ничего у тебя не останется, хотя бы потому, что за это время ты раз двадцать сопьешься или женишься. Но не огорчайся – не ты первый, не ты последний!» Забегая вперед, скажу, что правым оказался я, а не они – через два года я поступил в аспирантуру!

На пути к Темиртау. Тогда, в мае 53 года, я был рад, что закончилась, наконец, эта тягомотина с распределением, и с удовольствием предался заслуженному безделью. Походы, театры, ухаживание за девушками, и все это в предвкушении главного события года для меня и моих друзей – альпиниады МГУ на Памир. Мне настолько было нестерпимо ожидание, что я уехал в горы с передовой группой, не дожидаясь ни выпускного банкета, ни вручения дипломов, ни sentimentalного прощания с Универсом – как-то у меня не осталось особо теплых чувств к Альма Матер.

Два с лишним месяца, что мы провели на Памире, были временем необыкновенным. Мы оказались первооткрывателями района, где до нас вообще почти не было альпинистов. Здесь все происходило впервые – поиск путей подходов к вершинам-шеститысячникам, прокладывание маршрутов через ледопады к верховьям ледников, разведка выхода на загадочное Памирское фирновое плато и даже устройство переправ через горные реки. О всем том, через что нам довелось тогда пройти – от возвышенного, и почти героического, и до трагического, что подчас случается в горах и без чего не обошлось в тот год, я уже раньше писал и повторяться не буду. Скажу только, что в начале сентября 1953 года закончились все перипетии нашей альпиниады в ущелье Гармо, и, наконец, мы добрались до Сталинабада (напоминаю, теперь – это Душанбе).

То было для нас почти как возвращение на землю, после пребывания где-то в другой сфере жизни. Для меня это, в частности, означало, что мне пришлось вспомнить о суровой прозе жизни, которая требовала, чтобы не позднее 1-го августа я приступил к работе как сменный химик на заводе синтетического каучука в Темиртау. Этого, естественно, я уже сделать не мог, даже если бы очень захотел. Но, скажем прямо, я к этому не очень и стремился. При этом меня совершенно не волновали все те проблемы, с которыми я мог столкнуться из-за своего пренебрежения обязательствами выпускника советского вуза. И это не только из-за обычного легкомыслия юности. Тогда в Сталинабаде я вдруг осознал, что со мной случилось нечто несравненно более важное, чем любые другие из текущих событий: я первый раз в своей жизни влюбился и, что называется, «по уши». К тому же было похоже на то, что и моя избранница, Нэлка, отвечала мне взаимностью. Я и сейчас помню, насколько чудесным было мое состояние во время всей дороги из лагеря экспедиции в Гармо до Сталинабада, потом еще несколько дней жизни в этом городе и – в качестве желанного дополнения – в «пятьсот веселом» поезде Сталинабад – Москва, что ехал до Москвы аж десять дней. Мне хотелось только одного, чтобы этот длинный путь никогда не кончился. Разве могли иметь при этом значение какие-то пустяки, вроде опоздания с моим выходом на работу?

Но мои старшие друзья очень красочно мне объяснили, что ждет меня, если я просто так возьму и объявлюсь в Москве, не имея никаких оправданий, что не явился к месту назначения в Темиртау к положенному сроку. Почти насильно они сняли меня с поезда в Уральске, показав мне по карте, что оттуда я смогу напрямик через Джекказган добраться до Темиртау, который почему-то оказался не на Алтае, а под Карагандой. В тот момент я особенно и не сопротивлялся этому, «почти насилью», по очень простой причине – накануне вечером, когда наш поезд остановился на маленькой станции Акбулак, я наконец набрался смелости и признался в любви моей девушке и услышал в ответ долгожданное «Да!» Конечно, всю ночь мы не спали, а простояли, обнявшись в тамбуре вагона, в бесконечных разговорах о ней и обо мне и необыкновенном счастье нашей любви, о котором другие просто не имеют понятия. Блаженнейшее состояние «очумелости» от прилива эмоций нас не покидало ни на минуту.

Дорога через Джекказган оказалась не очень короткой. В конце концов, во второй декаде сентября, я добрался до Темиртау и наконец предстал перед светлые очи Я. Изакова, директора Карагандинского завода синтетического каучука. Директор с изумлением воззрился на молодого специалиста «из Москвы», выпускника МГУ, с красным дипломом, но в совершенно бродяжническом виде – рваная ковбойка, трикотажные штаны, какие-то разодранные теннисные туфли на ногах, облезлый нос и двухнедельная щетина. Он изрядно удивился, заметив, что этот молодой нахал даже не подумал извиниться по поводу того, что опоздал к месту своего назначения более чем на месяц. «Откуда вы приехали в таком виде?» – поинтересовался он. Я вкратце рассказал ему, где мы были и какие несчастья на нас обрушились в горах, и почему я так опоздал. Добавил, что в Темиртау заехал по пути, чтобы выяснить на месте, а нужен ли я на этом заводе вообще? Последний вопрос изрядно развеселил моего визави. Похотав, он великодушно мне объяснил, что раз мне выдали путевку на работу в Темиртау, то отменить этот приговор ни он, ни вообще кто-либо, уже не вправе.

А когда он меня спросил, смогу ли я выйти на работу завтра или хотя бы послезавтра, и в ответ услышал, что мне еще в Москву надо заехать – тут уж директор просто замолк в недоумении. Но, видимо, войдя в мое трудное положение, он сказал, что личной властью готов отпустить меня на недельку в Москву – собрать необходимые вещи, попрощаться с родителями и друзьями. Я, естественно, со всей искренностью поблагодарил его за понимание ситуации, но в ответ, робея от своей наглости, пробормотал, что я не смогу уехать в Москву, поскольку у меня нет ни копейки денег (на самом деле, в кармане было еще рублей пять). Директор был совершенно ошарашен таким признанием, но, видимо, вид у меня был совсем несчастный, и, не говоря ни слова, он выписал через кассу 1000 рублей мне на проезд.

Должен покаяться – я пробыл тогда в Москве не неделю, а целый месяц. Но не от того, что был очень занят какими-то срочными делами, и не от раздолбайства. Причина была элементарно проста – мой роман достиг апогея (или «апофигея», на тогдашнем студенческом языке), и вряд ли кто дерзнет меня осудить за то, что я изо всех сил старался оттянуть момент расставания с любимой. Но государство не преминуло мне напомнить о моих обязательствах – как-то в один из дней середины октября мне передали через родных повестку явиться к следователю для дачи объяснений по поводу моего уклонения от распределения. На допрос я, естественно, не пошел, но и прятаться от суровой действительности не стал, и через пару дней уже ехал в поезде Москва – Караганда.

Во вторую нашу встречу, где-то уже в 20-х числах октября (это – вместо 1-го августа!), директор завода Изаков мне обрадовался как родному и не преминул сказать, что уже и не рассчитывал на мой приезд. Ему было только ужасно досадно, что он очень уж глупо отдал тысячу рублей такому явному бродяге-проходимцу. По этому случаю он заготовил телеграмму в Москву в прокуратуру с просьбой меня разыскать и заставить вернуть взятый на заводе аванс. Текст телеграммы он мне показал, сказавши при этом, что теперь в ней отпала необходимость, а деньги у меня просто вычтут из первой зарплаты

Темиртау – 2. Начало новой жизни

Итак, с наступлением зимы 53/54 года волею судеб я оказался в Темиртау под Карагандой, в этом middle of nowhere (в самой середине места, которого вообще нет на свете). Надо сказать, что применительно к данному месту эта метафора – не форма речи, а довольно точное определение. Представьте себе бескрайние километры каменистой казахской степи, абсолютно голой зимой, лишь временами и местами засыпаемой снегом, неистово выдуваемым ветром. Иногда этот же ветер приносил откуда-то издалека целые стада большущих шаров «перекати-поля», затопляющих город так, что его тесные улочки становились почти не проезжими для транспорта. В любое время года там в воздухе стояла завеса дыма от заводов: если ветер дует с юга, то это ржавый дым мартенов металлургического завода, если с севера, то густой белесый дым извести и карбида кальция вперемежку с «лисыими хвостами» окислов азота – весь «букет» отравы с того самого химического завода, куда меня и послала Советская власть отрабатывать долг за бесплатное образование.

Первое время по своей неопытности и наивности я никак не мог толком осознать, куда же это я попал. Вроде это самый центр Казахстана, но ни одного казахского лица ни в городе, ни на заводе мне не встретилось. Зато было много чеченцев, ингушей и – совсем уж неожиданно – корейцев, откуда здесь вся эта публика, в таком удалении от гор Кавказа и тайги Дальнего Востока? На улицах очень часто можно было услышать иностранную речь – могли говорить по-немецки или по-эстонски, или по-польски – и опять те же вопросы: что привело столь явных «иностранцев» в эти дикие азиатские края?

Но скоро, очень скоро мне все объяснили сведущие люди: именно здесь, в районе Караганды/Акмолинска, и находился целый куст лагерей, куда помещали тех, чьи преступления перед Советской властью были недостаточно тяжки для расстрела или лагерей Колымы. Раньше я о лагерях просто ничего не знал – родители меня берегли, а разговоров на эту тему, по понятным причинам, вокруг меня тоже было не слышать. Помимо лагерного «населения», здесь же, но как бы «на воле», пребывали все те, кого без всякого суда и следствия, просто как «вражеский элемент», переселили в эти края. Их всех нарекли «спецпереселенцами», обязали раз в две недели ходить отмечаться в милицию и запретили выезд за пределы данного района. К такого рода «местному» населению относились чеченцы и ингуши, немцы Поволжья и корейцы с Дальнего востока, а также прибалты и поляки. Было и некоторое количество просто ссыльных, которые отбыли свои лагерные сроки, но не имели права уезжать обратно в центральные области. Именно эта публика и составляла основной рабочий костяк заводов в Темиртау. Что касается инженеров, то частично это были те же спецпереселенцы, но по большей части – молодые специалисты из разных концов нашей необъятной родины.

При ближайшем рассмотрении выяснилось любопытное распределение по нацсоставу: из центра России (Москва, Питер) – сюда направлялись практически одни евреи, из Сибири – в основном русские. Для первых это была разновидность ссылки, для вторых – повышение статуса места проживания. Во всем должна быть справедливость, не так ли? Для местных жителей «наплыв» евреев из центра был ожидаемым явлением, ведь о деле «еврейских врачей-отравителей» было известно по всей стране, а об их реабилитации, конечно, тоже слышали, но в эту новость почему-то верилось с трудом.

Показателен следующий памятный мне эпизод. Как-то вскоре после начала моей работы в цеховой лаборатории в одну из ночных смен (а это было самое спокойное время – никакого начальства!), мои лаборантки попросили рассказать им про столичную жизнь. Оказалось, более всего их интересовал вопрос: «Вот Сталин посадил евреев, а когда он умер в марте 53-го года, Берия их выпустил, так? А теперь Берия посадила – значит, евреев снова будут сажать?». Я, конечно, попытался их переубедить, но не уверен, что мне это удалось сделать.

Впрочем, вокруг нас никакого заметно ощутимого антисемитизма не чувствовалось, и, пожалуй, в те годы Темиртау очень даже годился на роль образцового города коммунистической «дружбы народов». Действительно, все были равны – в нищете. Товары, типа одежды (вплоть до рубашек или носков) и обуви (кроме галош) – в магазинах просто отсутствовали или были качества ужасающего даже по советским меркам. В продуктовых магазинах можно было купить только хлеб, сахар и конфеты «подушечка» – для всех все одинаково и по ценам вполне доступно! Но это равенство кончалось, когда речь шла о выпивке. Наиболее ценный продукт – водка обычно заканчивалась в первой же декаде очередного месяца, с продажей по схеме «одна бутылка в одни руки». Запастись ею впрямь удавалось только тем, кто был несколько «равнее» других – всяким деятелям среднего и высшего советского звена, покупателям с черного входа. А мы, грешные, должны были чаще всего довольствоваться яблочным вином под названием «Алма Шаробы» – жуткая дрянь, но что поделаешь, другого вина Казахстан не производил – виноградников там и при царе не было.

Как я уже рассказал, попал я в Темиртау почти случайно. Если рассуждать здраво и логично, то придется признать, что мне очень не повезло. Действительно, закончить Московский университет с красным дипломом, да еще с опубликованными научными работами, и, вместо ожидаемой аспирантуры в МГУ или академическом институте, угодить вот в такое место – что может быть хуже. Но, как это нередко бывает, подобные прямолинейные заключения далеко не всегда оказываются правильными. На самом-то деле, мне было совершенно необходимо пройти через опыт жизни в подобном месте, и у меня нет ни малейших оснований жаловаться на свою судьбу. Более того, буду даже утверждать, что мне очень повезло, что я оказался в то время и в том месте, в городе Темиртау. Конечно, тогда я об этом не очень-то и задумывался, но потом неоднократно удивлялся, насколько неожиданно важной для всей моей последующей жизни оказалась та встряска, что по милости судьбы случилась со мной в тот период жизни.

Мое первое впечатление от станции Караганда, куда мы добрались на пятый день пути – вот он, конец света, или, по крайней мере, его цивилизованной части. В самом деле, посредине совершенно ровной степи рассыпаны сотни глинобитных домишек, в центре – несколько кирпичных домов и повсюду, куда только достает глаз, терриконы пустой породы и, конечно, непролазная грязь и пыль. Ни травинки, ни кусточка, все голо...

Да, брат, вот уж подобрал ты для себя подходящее место на следующие пару-другую лет. Как здесь вообще можно жить! Но жаловаться некому, вспомни, как говаривал знакомый украинец: «Бачили очи, що купували». Но оглядевшись вокруг, я понял, что я не единственный, кого судьба забросила в это «никуда». В нескольких шагах от меня внезапно нарисовался долговязый парень в лыжном костюме, довольно нелепого желтого цвета, который, как оказалось, направлялся на тот же завод в Темиртау. Этот парень, Юра Тувин, ехал из Москвы все это время со мной в одном вагоне. Я, конечно, не мог не заметить его, тем более, что в поезде он читал не какую-нибудь «развлекуху», а изучал со всем тщанием великолепный альбом по архитектуре Казанского собора в Ленинграде с рассказом про архитектора Воронихина. Но в те времена я был законченным интровертом, всегда старающимся отгородиться глухой стеной от всех посторонних людей, и потому даже не попытался за время столь долгой поездки как-то заговорить с таким, явно необычным попутчиком. К тому же я был настолько переполнен переживаниями от расставания с любимой и прощания с друзьями на Казанском вокзале, что меня почти не трогало все, что случалось в моей дальней дороге и мало было дела до моих попутчиков. Но здесь мы оказались вместе и, естественно, разговорились. «Ты представляешь, где это чёртово Темиртау? – Нет. – А что-нибудь про него знаешь? – Тоже нет! – Ну, значит, поедем вместе... Пошли в кассу за билетами.»

От Караганды до Темиртау около 40 км, которые пригородный поезд проезжал примерно за полтора часа. Удивительно, что этого времени хватило, чтобы мы успели с Юрой как следует

познакомиться, найти много общего и как-то сходу друг другу понравились. Не сговариваясь, порешили, что будем держаться вместе, так и держались все года в Темиртау, а потом еще 60 лет, хотя последние 40 лет и живем по разные стороны Атлантического океана. Неужели после этого кто-нибудь возьмется утверждать, что наша встреча на станции Караганда была случайной?

По приезде мы объявились на заводе, где нас давно уже не ждали, поскольку мы должны были прибыть на место работы к первому августа, а на дворе уже стоял конец октября. Потому в общежитии для нас не нашлось места, и нас разместили в отдельном двухкочном номере заводской гостиницы, одноэтажного здания типа «баракко» с удобствами во дворе. Кроме нас, в гостинице были только командировочные, люди взрослые, занятые своими делами, и даже общительному Юре далеко не сразу удалось завязать с ними какое-то приятельство.

Завод был совсем рядом, и мы там довольно скоро прижились. Примерно через месяц нас захотели переселить в общежитие, но мы уперлись и потребовали там отдельной комнаты для нас двоих. Началась типичная война «мышей и лягушек» с мелким начальством, которое не могло допустить, чтобы какие-то молодые нахалы выдвигали свои требования. Попытались нас выселить насильно, но ничего из этого не вышло – мы повесили массивный замок на нашей двери, а сами лазили через окно. В конце концов, на нас плюнули и оставили на некоторое время в покое. Среди причин нашего упрямства были очевидные – близость к проходной завода, рядом магазины и библиотека, но вскоре появилось еще одно обстоятельство, пожалуй, самое важное. О нем и пойдет далее речь.

Темиртау – 3. «Сконапель ля поэзи» или Как я пристрастился к поэзии

Однажды вечером, когда мы только что вернулись с работы и собирались жарить картошку на ужин, на общей кухне гостиницы появился мужчина очень импозантной внешности, лет этак под сорок, и представился: Михаил Осипович Фарберг, журналист. Он заварил чай в огромном термосе и пригласил нас к себе в номер. С нашей стороны была выставлена жареная картошка и сгущенка, и ужин получился знатный. Тон беседы задавал Михаил Осипович, и его старомодная деликатность в сочетании с глубоким проникновенным голосом казались совершенно неправдоподобными на фоне всей той, уже почти привычной азиатчины, что царила за окном. Надо признаться, что в то время такого собеседника мне не приходилось встречать и в Москве.

Естественно, не мог не возникнуть вопрос, а почему Вы, Михаил Осипович, собственно говоря, объявились в этом «центре цивилизации»? Впрямую такой вопрос задать было невозможно – не позволяла общая тональность разговора. Потом, когда мы познакомились поближе, постепенно выяснилось, что М.О., несмотря на то, что он был фронтовым корреспондентом и дошел до Польши в составе действующей армии, как-то очень неуютно себя почувствовал, когда вернулся на родину после войны. Тогда-то он и счел за благо, что называется «страха ради иудейска», убраться куда-нибудь подальше «...от их пашей, от их всевидящего глаза, от их весельшащих ушей...».

Как показал печальный опыт очень многих бедолаг, не услышавших этих подсознательных голосов, это была совершенно правильная стратегия жизни в то время. Нас он тоже никак не расспрашивал о причинах нашего появления в Темиртау – праздное любопытство не было принято в те времена, да и характер наших отношений исключал что-либо даже отдаленно напоминающее амикошонство. Он с удовольствием слушал, когда нам хотелось рассказать о своих делах, особенно романтических (в основном, эти разговоры инициировал Юра, у которого было, что рассказать – в отличие от меня).

Довольно скоро мы узнали, что главный «нерв жизни» М.О. – поэзия XX века, которую он знал досконально и любил самозабвенно. Со многими из поэтов-классиков он знался лично. С молодости был в друзьях с Аркадием Штейнбергом, поэтом не очень известным, но интересным и своеобразным. Я помню также, что в более поздние времена в Москве мне случалось несколько раз провожать М. О., когда он отправлялся в гости к Арсению Тарковскому, а потом рассказывал о ситуации с изданием очередного сборника этого замечательного поэта. Интересно было послушать, когда он делился какими-то отрывками воспоминаний о совместных веселых похождениях молодости в Одессе, где он долгое время пребывал в 20-е годы.

Как-то Михаил Осипович нас особенно заинтриговал, заметив почти мельком, что и с Маяковским он был также знаком. В ответ на наши просьбы рассказать подробнее об этом примечательном факте своей биографии, М. О., не торопясь раскурил трубку, и поведал следующее:

«Где-то в году двадцатом я оказался на вечере встречи с Маяковским в Одессе. Зал был набит битком, и для меня нашлось место только в оркестровой яме. Маяковский читал стихи великолепно, и публика была в полном восторге. Но внезапно, как раз посередине чтения своей поэмы (кажется, это было „Облако в штанах“), он замолк, забыв очередную строфу. Повисла пауза. Из зала попытались протянуть ему книгу со стихами, но между залом и сценой была оркестровая яма. Маяковский вдруг заметил меня и громогласно сказал: „Молодой человек, войдите в историю, передайте мне томик моих стихов!“. Я выполнил его просьбу незамедлительно и был удостоен благосклонного кивка. Ну, чем не повод для воспоминаний о дружбе с великим поэтом!»

Но подобные рассказы-байки сами по себе не были тем главным, что заставляло нас с Юрой время от времени пренебрегать соблазнительными молодежными выпивками, и вместо этого отправляться в гости на чай к человеку, очевидно столь далекому от нас по возрасту и интересам, каким был М. О. Объяснить какими-либо рациональными доводами, почему общение с таким «древним стариком» вызывало в нас больший интерес, чем, казалось бы, более естественное времяпровождение со сверстниками, мне и сейчас нелегко. Лучше попробую воспроизвести некоторые из самых ярких впечатлений от вечеров с М. О, что запомнились мне более всего.

Однажды, где-то в начале нашего знакомства, когда М. О. был в особенно хорошем настроении, он попросил нас помолчать и вдруг стал читать по памяти стихи Николая Гумилева. Я до этого слышал только «Озеро Чад» и «Капитанов», которые как-то полуподпольно исполнялись на вечерах школьной самодеятельности («только без упоминания фамилии автора, пожалуйста!»), а здесь вдруг услышал такие гениальные вещи, как «Заблудившийся трамвай» или «Слово», или предельно изощренные, до полного декаданса – «В том лесу белесоватые стволы выступали неожиданно из мглы...»

Это было ни на что не похоже – не только замечательные и незнакомые нам стихи, но и их исполнение – мы с Юркой сидели, немея от чувства восторга. Добавлю к этому два слова об антураже: это был зимний вечер, за окном неистовствовал ветер, наметающий сугробы выше крыши, мороз градусов 25, все окна комнаты замерзли напрочь, и невозможно было понять, что вообще делается на белом свете, помимо всеохватной снежной вьюги. А здесь у нас в комнате – тепло, горячий крепкий чай, настольная лампа с оранжевым абажуром, дымящаяся трубка в руках М.О и исполняемое его низким баритоном гумилевское «Слово»: «И орел не взмахивал крылами, // Звезды жались в ужасе к луне, // Если, точно розовое пламя, // Слово проплывало в вышине...», которое, как известно, заканчивается словами: «И, как пчелы в улье опустелом, // Дурно пахнут мертвые слова». Помнится, когда он закончил, мы даже ни слова не могли сказать – настолько сильным было впечатление от услышанного.

Но это не шло ни в какое сравнение с тем буквально потрясением, что мы испытали в один из следующих вечеров, когда после традиционного обряда чаепития последовало торжественное объявление: «Осип Манделъштам» и, не обращая никакого внимания на наше очевидное недоумение – «А это еще кто такой?», – Михаил Осипович продолжал: «За гремучую доблесть грядущих веков...». И без всякого перерыва мы услышали: «Я вернулся в мой город, // Знакомый до слез» ... В тот же вечер мы узнали и о том, что: «Я не увижу знаменитой «Федры», // В старинном многоярусном театре, // С прокопченной высокой галереи, // При свете оплывающих свечей...». Но все успокоилось на том, что на самом деле: «Все лишь бредни, шерри-бренди, // Ангел мой...».

Ни я, ни Юрка вообще никогда даже не слышали о таком поэте – а где мы могли о нем что-нибудь узнать в те времена, когда фамилия Манделъштама была вычеркнута из списка наших поэтов и вообще из памяти людской. Впечатление было совершенно обалденное. Вот так, чтобы нам узнать о существовании гениальных стихов одного из великих поэтов нашей страны, надо было уехать из столицы в глушь казахских степей!

Конечно, наши школьные учителя литературы честно старались прививать ученикам вкус к чтению поэзии. Благодаря их самоотверженным усилиям мы узнали, что и в XX веке в России было немало неплохих поэтов, начиная от Блока (но только после того, как он «изжил символизм», избавился от всяких там «Прекрасных дам» и создал поэму «Двенадцать» как гимн революции (???) и до нашего «лучшего, талантливейшего поэта» Маяковского (в основном – позднего). Далее, эта линия продолжалась до нашего современника К. Симонова как главного советского поэта. Бориса Пастернака вообще не существовало на свете (если не считать того, что некто с такой фамилией переводил Шекспира), а «крестьянский сын» Есенин упоминался

как певец русской природы, но более всего – кабацкой Москвы – и еще, конечно, в роли автора «Письма матери».

Вы можете мне напомнить, что тогда еще была жива Анна Ахматова, но о ней мы знали лишь по докладу А. Жданова, одного из подручных Сталина, который обозвал ее «полумонахиней-полублудницей», и, естественно, что в советской школе было просто неприлично даже называть имя такого поэта. Все это и определяло наши вкусы. Как сейчас помню, в то время стихи Симонова для меня были одной из вершин поэзии! Множество их я знал наизусть, и прошло немало времени, прежде чем я понял, что в этих стихах, за редким исключением (вроде «Жди меня»), поэзия даже не ночевала.

А здесь, в Темиртау, мы узнали не только о Гумилеве и Мандельштаме. Спектр пристрастий Михаила Осиповича был чрезвычайно широк и в чем-то уникален. Не представляю, от кого еще в те времена я мог бы услышать о таких поэтах, как Агнивцев, Олейников, Заболоцкий, или Штейнберг и еще о десятке менее значимых, но тоже очень интересных авторов.

По-разному протекало наше знакомство с новыми поэтами. Иногда все начиналось со знаковых их произведений, как это случилось, например, с Николаем Агнивцевым. Эту фамилию М. О. впервые произнес, когда прочел для нас его «почти-реквием» по «блистательному Петербургу»:

Когда голодает гранит.

Был день и час, когда уныло
Вмешавшись в шумную толпу,
Краюшка хлеба погрозила
Александрийскому столпу.

Как хохотали переулки,
Проспекты, улицы!.. И вдруг
Пред трехкопеечную булкой
Склонился ниц Санкт-Петербург!..

И в звоне утреннего часа
Скрежещет лязг голодных плит!
И вот от голода затрясся
Елизаветинский гранит!..

Вдохнули старые палаццо...
И, потоптавшись у колонн,
Пошел на Невский – продаваться
Весь блеск прадедовских времен.

И сразу сторбились фасады...
И, стиснув зубы, над Невой
Восьмиэтажные громады
Стоят с протянутой рукой!

Ах, Петербург, как страшно-просто
Подходят дни твои к концу!..
Подайте Троицкому мосту,
Подайте Зимнему дворцу!..

Но Михаил Осипович определенно не хотел неожиданно оказаться в ложном положении – как бы пропагандиста «не очень советских» стихов, и потому за этой, почти трагической, одой в тот же вечер могли быть выданы какие-нибудь фривольные вирши того же Агнивцева, такие, как например:

Николетта

Как-то раз порой вечерней
В покосившейся таверне
У красотки Николетты,
Чьи глаза, как два стилета,

Нас собралось ровно семь.
Пить хотелось очень всем!
За бутылкою кианти
Говорили мы о Канте,

Об его императиве,
О Бразилии, о Хиве,
О сидящих vis-a-vis
И, конечно, о любви!

Долго это продолжалось...
В результате оказалось,
Что красотка Николетта,
Чьи глаза, как два стилета!

В развращенности своей
Делит честь на семь частей!!!
Нет! – воскликнули мы хором, —
Не помиримся с позором.

Так мы этого не бросим!
Призовем ее, и спросим!
Пусть сгорает от стыда!
Рассердились мы тогда!

Почему, о Николетта,
Чьи глаза, как два стилета!
Вы связали ваше имя
Сразу с нами семерыми?

И ответ был дня ясней:
Ах, в неделе же семь дней! *
Больше мы ее не спросим.
Слава богу, что не восемь!!!
*И пришлось нам примириться
Слава Богу, что не тридцать.

Ну и, конечно, немалый и почти телячий (может, правильнее сказать – жеребчий?) восторг испытали мы с Юркой, когда как-то однажды М. О. прочел эротическую поэму все того же Николая Агнивцева «Похождения маркиза Гильом де Рошефора». А как могли не восторгаться молодые парни этими великолепными стихами, в которых рассказывалось о разных видах сексуальных утех под общий рефрен: «Любовь многообразна, // Но важно лишь одно – // Любить друг друга страстно, // А как – не все ль равно!» Все это было описано с немалым изяществом, без единого неприличного слова, в чем легко может убедиться современный читатель, прочтя полный текст сего творения в Интернете.

Особое пристрастие питал М. О. к поэтам-авангардистам середины 20-х – начала 30-х годов прошлого века. Я не могу сказать, что несколько необычный образный строй стихов Олейникова или Заболоцкого тогда произвели на меня особенно сильное впечатление. Но некоторые из стихов этих авторов просто не могли не запомниться, и сейчас читатель легко поймет, почему так случилось.

Вот, например, стихотворное послание, с которым Николай Заболоцкий как-то обратился к секретарше редакции по имени Наталья:

Наталья, милая Наталья!
Сказать посмею ль, Натали?
У Ваших ног сидит каналья
С глазами полными любви!

Я неоднократно забавлялся тем, насколько сильное впечатление производит этот стих на любую женщину по имени Наташа. Но хотел бы предупредить – во избежание нежелательных осложнений: всегда при этом рекомендуется без промедления объявить: «это – не я сочинил, упаси Бог! Это поэт Заболоцкий подобным образом обращался к даме».

А можно ли было не запомнить вот такой, очень короткий, но яркий стих Николая Олейникова:

Однажды красавица Вера,
Одежды откинувши прочь,
Вдвоем со своим кавалером
До слез хохотала всю ночь.

Действительно, весело было!
Действительно, было смешно!
И вьюга за форточкой выла,
И ветер стучался в окно.

Так случилось, что как-то на дружеской вечеринке я прочел этот стих – просто для того, чтобы, что называется, «свою образованность» показать. При этом я как-то не учел, что среди нас присутствовала довольно симпатичная девушка по имени Вера. Ее реакция на мое выступление была незамедлительной и прицельно точной: «А что, Виля, в чем же дело? Мне это все очень даже подходит!». Все присутствовавшие были в восторге. Что касается меня, то я уж и не помню, что я лепетал в ответ, но, определенно, был сконфужен до предела. Вот такие могут быть неожиданные последствия от декламации почти невинных стихов!

Иногда, под особое настроение, Михаил Осипович обращался и к более ранней классике, но не всякой, а только к особенно хорошо звучащей. Тогда мы могли услышать, к примеру, «Сон Попова» А. К. Толстого и, ей-ей, его исполнение было не хуже, чем то, что я позднее слышал у великого артиста Игоря Ильинского. И, конечно, не могу не вспомнить про то, что,

благодаря все тому же М.О., мы с Юрой вошли в прекрасный мир романтических стихов Киплинга, и этот мир навсегда остался с нами.

Даже сейчас, 60 лет спустя, я могу услышать, – жаль, что только в воображении, чеканное и трагическое звучание – «Будет вздернут Денни Дивер», а вслед за тем – исполненную героики, внутреннего достоинства и печали, «Мэри Глостер» или, наконец, озорную, и временами даже разухабистую, пиратскую «Балладу о трех котиколовах». Все эти стихи я тогда разучил наизусть и частенько читал для друзей на вечеринках и дружеских встречах.

Вот такой «Университет» организовала судьба для нас с Юрой в Темиртау, в этом Богом забытом и людьми проклятом, месте. И после всего этого вы мне будете рассказывать о печальной участи столичных еврейских юношей, заброшенных «мстительной» Советской властью в дикие места Центральной Азии!?

Ещё несколько слов о нашем старом друге. Мы не очень долго прожили в Темиртау – Юрка трудился на заводе все положенные три года, как полагалось молодому специалисту, а я всего лишь – два, как принятый в аспирантуру Института органической химии АН СССР. За это время наше знакомство с М. О. переросло в дружбу, и в последующие годы, когда мы уже перебрались в Москву, каждый год Фарберг, приезжая в Москву, останавливался у меня. Здесь, уступая просьбам моего семейства, он частенько устраивал читки своих любимых стихов. И в Москве его голос и артистизм исполнения производили на всех завораживающее впечатление, и мои дети до сих пор помнят о нашем замечательном госте, Михаиле Осиповиче (почему-то язык не поворачивался назвать его «дядей Мишей»).

Из московских впечатлений о Фарберге более всего мне запомнился его рассказ о посещении своего стародавнего приятеля Аркадия Штейнберга, известного поэта и переводчика. Здесь я должен признаться, что мы с Юркой узнали о существовании такого поэта только благодаря нашим «поэтическим семинарам» в Темиртау. Еще в то время Фарберг нас поразили, прочитав невероятно мрачное стихотворение А. Штейнберга «Кроме женщин есть еще на свете поезда...» Не могу удержаться, чтобы не привести его целиком, как свидетельство той жути, в которой пришлось в то время жить этому талантливому поэту, да и многим другим незаурядным людям.

Кроме женщин есть еще на свете поезда,
Кроме денег есть еще на свете соловьи.
Хорошо бы укатить неведомо куда,
Не оставив за собой ни друга, ни семьи.

Хорошо бы укатить неведомо куда,
Без оглядки, без причины, просто ни про что,
Не оставив ни следа, уехать навсегда,
Подстелить под голову потертую пальто,

С верхней полки озирать чужие города
Сквозь окно, расчерченное пылью и песком.
Хорошо бы укатить неведомо куда,
Запотевшее окно обстреливать плевком,

Полоскать в уборной зубы нефтяной водой,
Добывать из термоса дымящийся удой,
Не оставив ни следа, уехать навсегда,
Раствориться без остатка, сгинуть без следа,

И не дрогнуть, и не вспомнить, как тебя зовут,
Где, в какой стране твои родители живут,
Как тебя за три копейки продали друзья,
Как лгала надменная любовница твоя.

Кроме денег есть еще на свете облака.
Слава Богу, ты еще не болен и не стар.
Мы живем в двадцатом веке: ставь наверняка,
Целься долго, только сразу наноси удар!

Если жизнь тебя надула, не хрипи в петле,
Поищи себе другое место на земле,
Нанимайся на работу, зашибай деньги,
Грей худую задницу на Южном берегу!

Или это очень трудно – плюнуть счастьем вслед,
Или жалко разорить родимое гнездо,
Променять имущество на проездной билет,
Пухлые подушки на потертое пальто...

Верь солдатской поговорке: горе – не беда!..
Хорошо бы укатить неведомо куда,
Не оставив ни следа, уехать навсегда,
Раствориться без остатка, сгинуть без следа,

С верхней полки озирать чужие города
Сквозь окно, заплеванное проливной луной,
Сквозь дорожный ветер ледяной...

Почему-то тогда в Темиртау, М. О. никаких других стихов А. Штейнберга нам не читал – видимо, подобная дорожная тоска была для него самого слишком хорошо знакомым чувством. Но мельком он упомянул о том, что был хорошо знаком с этим поэтом в далекие времена молодости в Одессе. Так что фамилию Штейнберг я запомнил и был немало обрадован, когда через некоторое время совершенно неожиданно обнаружил великолепные стихи этого автора в сборнике «Тарусские страницы». Это был еще один благой повод с признательностью вспомнить вечера в Темиртау. Ну, а несколько позднее, в один из приездов в Москву Михаил Осипович отправился навестить своего старого друга, Штейнберга. Как он нам потом рассказывал, Аркадию почти совсем перекрыли возможность печатать свои стихи, так что сейчас он с увлечением работает над переводами зарубежных поэтов, что получается у него просто великолепно.

* * *

Михаил Осипович не очень долго проработал журналистом в редакции местной газеты славного города Темиртау – даже при всей его лояльности он не мог не восприниматься как некий чужеродный элемент в системе уж очень тупой советской пропаганды. По какой-то причине из редакции ему пришлось уйти, но его немедленно взяли на работу на Карагандинский металлургический завод и не в роли сотрудника какой-нибудь «занюханной» заводской многотиражки, а на очень уважаемую должность – бригадира прокатчиков! Да, да, не смейтесь, господа и дамы, именно так, я сам видел этот документ! Как же такое могло случиться?

Да очень просто – заводскому начальству не реже чем раз в месяц приходилось выступать с докладами на собраниях по самым разным поводам. Стало быть, в каждом таком случае необходимо было иметь готовый и утвержденный в парткоме текст доклада в полном соответствии с текущим политическим моментом и написанный к тому же приличным литературным слогом. Людей, способных сочинять подобные тексты, вообще очень мало, тем более в таком диком месте как Темиртау. Так вот на заводе быстро сообразили, что Михаил Осипович при его общей культуре и опыте старого газетного «волка» как нельзя лучше подходил на роль такого «речеписца» или, как сказали бы сегодня, спичрайтера (speechwriter). Но в штатном расписании завода не значилось такой должности, и в результате старого одесского еврея пришлось записать в бригады прокатчиков! Помнится, что Михаил Осипович не без гордости вспоминал, что это было сделано по предложению Нурсултана Назарбаева, что был тогда секретарем парткома Казахского металлургического завода и через какое-то время сделался президентом Казахстана. Вот так и никак иначе!

Прошло еще несколько лет, и вот в середине 80-х М. О. Фарберг вместе с дочерью Ольгой и ее семейством отправился на историческую родину – в Израиль, где до самой кончины проживал вполне благополучно, хотя и скучновато, если судить по письмам, которые он присылал мне и Юре. С запоздалым раскаянием я должен сознаться, что не всегда у меня хватало понимания ситуации и элементарной чуткости, чтобы поддерживать живой контакт в переписке со своим старым другом.

Наше знакомство с М. О. произошло совершенно случайно – стоило бы только нас с Юркой изначально поселить не в гостинице, а в общежитии (где в конце концов мы и оказались), и вряд ли когда-нибудь представился бы случай познакомиться с журналистом Фарбергом. Ведь Михаил Осипович был существенно старше нас по возрасту, работал в местной газете, и круг его знакомых никак не соприкасался с нашей легкомысленной компанией молодых инженеров. Но не произойди эта случайная встреча, очень многое в жизни моей и Юриной пошло бы по-другому.

Ещё вспоминается, что за все то время, когда мы имели возможность наблюдать Фарберга, я не припомню ни одного случая, чтобы он был небрежно одет. Всегда чистая рубашка, галстук, подтяжки, отглаженный костюм, все, как будто бы он идет на прием к важному лицу. Никогда я его не видел в домашней одежде – халат или, упаси Бог, пижама – такого нельзя было даже вообразить. Видимо, у него выработался определенный dress code, которому он следовал, не взирая на обстоятельства. В этом отношении он был ни на кого не похож из моих знакомых. Его манера была по-хорошему старомодна, что само по себе внушало нешуточное уважение. Возможно еще и потому, что за ней крылось немалое самоуважение, а подобное редко встречалось среди знакомых мне «взрослых людей».

Безусловно очень важно в молодости испытать влияние и даже подружиться с человеком такой высочайшей культуры, такта и деликатности, каким был Михаил Осипович Фарберг! Общение с ним необычайно много значило для нашего общего развития. Про себя могу только сказать, что хотя мне и немало повстречалось в жизни достойнейших людей, но, пожалуй, никто из них не оставил такого следа в моей духовной жизни, как этот удивительный человек. Да будет земля ему пухом!

Мне кажется, что и ему было очень интересно общаться с нами – ведь так нелегко найти аудиторию молодых людей нового поколения, которым ты можешь передать богатство своего опыта и прочувствовать в их ответе реакцию признательности и сочувствия. А что может быть лучшим лекарством, чтобы справиться с чувством одиночества, столь обычным для пожилых людей?

Темиртау – 4. Личная ретроспектива: сильные личности в моей молодости и «страсти-мордасти»

Чего только не обнаружишь среди барахла, которое почему-то хранится в закоулках моей памяти вот уже больше 50 лет! Стоит только забросить крючок в прошлое – и вот уж он зацепился за что-то неожиданное и почти позабытое и упрямо тащит его на свет. В этот раз мне вспомнились впечатления, связанные с Ибсеном (!?) и некоторыми персонажами его драм, а за этим потянулись воспоминания о ряде других памятных эпизодах, так или иначе свидетельствующих о необыкновенной роли наивного романтизма в моей молодой жизни.

В те времена я читал все подряд, запоем – особенно не разбирая, что именно попадалось под руку. Вот так в студенческие годы мне и попала драма Ибсена «Пер Гюнт», и, конечно, я, что называется, «повелся» на героя этой пьесы. Еще бы, независимый и сильный, одинокий и не знающий привязанностей, ищущий чего-то, что и обозначить невозможно, ушедший куда-то в странствия от обыденной жизни и в конце концов потерпевший полное поражение в своих поисках. И тогда, на пороге ухода из жизни, он узнает, что лишь одна из подруг его молодости, уже ослепшая Сольвейг, будет всегда ждать его, старого и сокрушенного жизнью. А еще ему неоднократно приходится «платить по счетам»: перед ним появляются брошенные им любимые женщины и каждая хочет «доли ласк потребовать своей!»

При первой возможности я отправился слушать сюиту «Пер Гюнт» Эдварда Грига. До этого я вообще мало слушал классику, и Григ меня совершенно покорила. Немало можно услышать о не очень глубоком характере этой музыки, скорее живописного, чисто мелодического характера создания образов, ну и что из того – мне это все эмоционально было очень близко. И, конечно, песня «Сольвейг» не могла меня не очаровать. Чье это было исполнение – я не помню, но в недавнем исполнении Анны Нетребко эта ария прозвучало совершенно блистательно, – даже готов признать, что лучше, чем у забытой мною певицы 50-х годов.

За «Пер Гюнтом» последовали и другие ибсеновские драмы – запой он и есть запой. Следующим, насколько я помню, был «Бранд» – почти противоположность Пер Гюнту. Герой пьесы – человек железной воли, одержимый достижением поставленной цели и способный для этого пожертвовать всем, даже самым дорогим. Естественно, что другие люди при этом просто не принимаются в расчет. Такой сильный человек 19-го века, очень впечатляющий своей целеустремленностью и непреклонностью – чем не образец для подражания для романтически настроенного молодого человека, искателя смысла жизни! Все это в чем-то перекликается с известной максимой из Данте, которую очень любил вспоминать мой папа: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно».

Естественно, что в конце концов герой пьесы Бранд, в полном соответствии с законами ибсеновской драмы, оказывается мучеником – рабом своей собственной воли. Во всех своих начинаниях он терпит сокрушительное поражение. Его принцип жизни – «Полной мерой!» (Quantum satis!) оказывается губительным для всех: его проклинает поверивший ему простой народ, гибнут все близкие ему люди, а в конце концов он сам погибает под снежной лавиной – очевидным символом всемогущего Рока.

Из других драм Ибсена, прочитанных в то время, помню еще «Борьбу за престол», где, в частности, очень интересно представлена вечная коллизия Властитель – Дружба – Певец. В пьесе выводится образ певца-бродяги Ягтейра, который включился в борьбу за власть близкого ему по духу мятежного ярла Скуле. Но при этом сам певец ни за что не хотел поступиться своей личной свободой. Когда же ярл Скуле захотел, чтобы любимый им поэт, почти сын, стал рядом с ним как самый дорогой соратник, тот гордо ответил: «Достойно сложить голову за дело другого, но жить можно только для своего». Помнится, что меня уже тогда поразила эта, бук-

вально рубленая, точность такой позиции, и я принял ее безоговорочно как одну из очень важных заповедей жизни.

И еще забавно вспомнить, как я чуть было не «претерпел» из-за увлечения Ибсеном. В те далекие времена, конца 40-х начала 50-х годов, по всей стране полным ходом шла кампания по разоблачению так называемых «безродных космополитов», которые осмеливались допускать, что не все так уж плохо на «растленном» Западе и кое-чему мы могли бы там и поучиться. Именно в те времена родились «патриотические шуточки», наподобие таких как: «Россия – родина слонов!», «советский карлик – самый высокий карлик в мире», а «советский паралич – самый прогрессивный!» И вот какой-то бдительный товарищ на родном химфаке (до сих пор не знаю, кто был этот сукин сын), взял да и накатал злодейскую статейку в нашу стенную газету, в которой сообщил для сведения комсомольской организации, что вот Вилька Смит, который, между прочим, является членом курсового бюро комсомола (был грех, на самом деле являлся и очень активным), почитывает «декадентского» писателя Ибсена и даже пропагандирует его «упадочнические» взгляды. Сигнал был подан четкий, но реакция партийных руководителей оказалась неожиданно мягкой – все-таки официально Ибсен не считался «вражеским агентом», да и пьесы его пока еще значились на афишах московских театров. Поэтому «старшие товарищи» поступили великодушно и не стали устраивать публичной порки-осуждения моего предосудительного поведения. Просто в частном порядке мне было посоветовано не очень увлекаться чтением подобного рода литературы и уж, во всяком случае, не проповедовать индивидуализм героев Ибсена среди своих товарищей.

Я, конечно, и не думал проповедовать кому-нибудь подобные вещи, но для меня самого чтение Ибсена не прошло бесследно. Ореол романтики беспутного бродяги Пер Гюнта или героической борьбы твердокаменного Бранда («Один против Всех») странным образом будил во мне стремление подчинить свою жизнь какой-то цели, не позволить ей улечься в обыденное русло: семья, дети, работа (что может быть скучнее?). Конечно, прямо перед глазами были многочисленные примеры самоотверженной борьбы коммунистов за идеалы революции, про которые нам рассказывала советская литература. Да и пример жизни моих родителей, искренне веривших в идеалы коммунизма, не мог на меня не действовать. Но все это тонуло в окружавшем нас довольно унылом послевоенном быте, в котором не было места как для безумств, наподобие Пер Гюнта или Бранда, так и для героического служения идеям профессиональных революционеров.

Со временем герои Ибсена для меня как-то померкли, особенно когда я стал читать, также запоем, повести и романы Джека Лондона. Среди его героев на меня наиболее сильное впечатление произвел Мартин Иден в одноименном романе. А что вы хотите? – может ли быть для молодого человека что-либо более привлекательное, чем образ юноши из самых низов, который подчинил всю свою жизнь одной цели – воспитать себя волевым бойцом, способным преодолевать любые препятствия, чтобы пробить себе путь на самый верх общества!

Неукротимостью железной воли подобных персонажей я действительно восхищался – наверное более всего от того, что сам был малого росточка (на первом курсе – 160 см), физически довольно слабым, да и волевым характером не отличался! Неудивительно, что при подобном романтическом настрое мне был прямой путь в геологи, разведчики-поисковики, и я всерьез подумывал после школы поступать в Московский Геологоразведочный институт (МГРИ). Но этому мешало то обстоятельство, что в старших классах я пристрастился к химии и особенно мне понравилась органическая химия. В своем подвале на Чистых прудах я немало преуспел в освоении алхимического ремесла превращения одних веществ в другие. В те времена особенно увлекательно для меня было «варить» всякие взрывчатые вещества, такие как йодистый азот, гексаген или тринитроглицерин. Многие из этих опытов были вполне успешны, и мне просто очень повезло, что я ни разу не подорвался по-серьезному. Ещё я ходил в химический кружок и участвовал в химической олимпиаде МГУ. Там я выиграл первый приз (до сих

пор храню роскошное факсимильное издание «Основы химии» Д. И. Менделеева), на меня обратили внимание и пригласили поступать на химфак.

Именно с этим намерением я и шел по Моховой в ясное летнее утро 1948 года. Дорога на химфак вела мимо входа в МГРИ, и тут что-то меня будто толкнуло в бок. Я застыл в нерешительности, увидел какой-то стенд со множеством фотографий и стал подробно изучать все, что было там представлено о профессии геолога и чарующих перспективах бродячей жизни вечного путешественника. Соблазн был почти непреодолимым, как говорится, «под ложечкой засосало», – а может быть, мне все-таки стать геологом: костры, палатки, неведомые края, тайга и горы, открытия месторождений золота и даже алмазов – как же это все меня манило! Но – тут я взял себя в руки и обругал за позорную слабость – я уже решил, что буду химиком – открывателем новых реакций, а чуть было не поддался первому же соблазну! А ведь в это время я хорошо осознавал, что настоящий сильный человек не должен давать себе послаблений ни в чем. Даже в мыслях ему не пристало менять свои решения!

Буквально с первых же дней учебы на химфаке я напросился, чтобы меня пристроили к работе в лаборатории. Вскоре под руководством доцента А. Н. Коста я смог включиться в экспериментальную работу. Началось все с «полноценного» пожара, что я устроил уже в первую неделю своей трудовой деятельности. На свое счастье – я сам его и погасил, хотя и не без труда. Меня, конечно, зверски отругали еще и потому, что горел не какой-нибудь «невинный» эфир или ацетон, а бензол, а копоть от горящего бензола очень трудно отмывать. Впрочем, мне самому и пришлось в этом убедиться. Но этот пожар оказался для меня чем-то вроде «прописки», после него я стал считаться своим человеком в лаборатории профессора А.П. Терентьева.

Ну, а как же с неумной страстью к бродяжничеству? Оказалось, для этого совсем необязательно было идти в МГРИ и становиться геологом. Все просто: в МГУ была турсекция, открытая для всех алчущих походной жизни, и уже к концу первого курса я стал завзятым туристом. Буквально каждое воскресенье – походы по Подмосковию, а как венец всего – лыжные походы на каникулах. Сначала это было то же Подмосковье, потом Валдай и следом Урал, и, наконец, – Кольский полуостров, где мы вчетвером провели две недели зимних каникул в Хибинах, изведав все радости первобытной жизни среди девственных снегов. Снега по пояс, где приходилось «тропить» путь, двухпудовые рюкзаки, спасительные костры по вечерам и ночевки в общем спальном мешке в заледенелой палатке в двадцатиградусные морозы – все это не могло не оставить самого сильного впечатления.

Постепенно мои скитальческие пристрастия стали меняться. Меня совершенно неудержимо потянуло в горы. Изначально я не мог даже представить себе, как это вообще возможно все время идти вверх на гору, преодолевая горные реки, скалы и ледники. Мне казалось, что это доступно лишь каким-то особо сильным людям, и мне с моей хилостью просто нечего делать в горах. Как же я вдруг удивился, когда случайно узнал от моего шефа А. Н. Коста, что все на самом деле просто и даже прозаично: «Запишитесь на занятия альпсекции, ходите на лекции и тренировки, сдайте зачет и, если все будет в порядке, получите путевку в альплагерь, где Вас всему научат».

И вот окончилась летняя сессия после первого курса и настал черед главного экзамена. Строгие ребята из альпсекции сурово допросили меня о способах прохождения разных форм горного рельефа, проверили мою способность вязать всякие там «булини», «прусики», «шкотовые» и «брам-шкотовые узлы», заставили пролезть не очень сложную стенку на развалинах Царицынского замка и удержать веревку на страховке при сильном рывке. Из теоретических вопросов мне было задано только два. Первый: «Ледопад – это процесс или явление?» и второй: «Что ты будешь делать, если твой напарник по связке сорвался с гребня?» Ледопадов в своей жизни мне как-то не приходилось видеть, и мой ответ на первый вопрос был довольно уклончивым. Зато на второй вопрос я чисто интуитивно ответил: «Немедленно прыгну в другую

сторону!» – оказалось, именно такого ответа от меня и ждали. Дальше все было вполне прозаично: путевка в альплагерь оплачивалась нашим профкомом, и там же мне выдали дотацию на билеты на поезд. Мои родители никогда на юге не бывали, про альпинизм и горы вообще ничего не знали, но кто будет возражать, если у сына появилась возможность почти задаром поехать отдохнуть на юг!

Альплагерь «Алибек» в Домбае – пожалуй, именно там я впервые почувствовал притягательную силу гор, ощутил тот невероятный вызов, который горы бросают человеку, и удивительные впечатления от чувства близости со всеми, с кем ты идешь наверх. Двадцать дней сказочной жизни в горах с инструктором (для нас – полубогом!) Лионелем Черновым, скальные и ледовые занятия, костры и вечера песен, пара простейших восхождений (Семенов-Баши и Софруджу). Ну, и в заключение всего поход к морю через Клухорский перевал – вроде бы не так уж много. Но когда я вернулся в Москву, мне уже стало в общем ясно, что горы, восхождения, братство альпинистов – все это вошло в мою жизнь как то, самое заветное, от чего я вряд ли смогу когда-нибудь отказаться.

Но запомнилось и еще кое-что от того лета. При спуске с Софруджу в камнеопасном кулуаре камнем перебило ногу девушке из нашего отряда. Стало быть, потребовалась транспортировка пострадавшей по осыпи до тропы и далее в лагерь. Лиль Чернов придирчиво осмотрел свое отделение, выбрал четверых самых рослых парней, а меня и еще одного такого же малорослого «хилияка» вместе с двумя девушками отправил в лагерь. Я пытался протестовать как мог, но Лиль и слушать не желал: «Бегите скорее в лагерь и пусть пришлют к нам еще с десятков разрядников посильнее». Боже, как же я был обижен тогда подобным унижительным отстранением от настоящей «мужской» работы!

Видимо, эти мои «стенания» были услышаны некими «Высшими силами». Так или иначе, но в следующие 15 лет мне столько раз пришлось участвовать в спасработках в горах (иногда не только предельно трудных, но и довольно опасных!), что берусь утверждать, что сполна получил компенсацию за ту обиду, что в юности была мне нанесена жестоким приговором инструктора Чернова.

Уместным кажется вопрос: понятно, что походы на равнине и в горах были для меня выходом из скучной прозы повседневной городской жизни – ну и чего об этом вспоминать? Ведь через подобные романтические увлечения в юности проходят все или почти все? Наверное, это так, но мне вспомнилось обо всем этом еще и потому, что этот юношеский романтизм довольно долго не покидал меня и на самом деле очень существенным образом сказался на последующей жизни. Ну что же, сейчас можно оглянуться назад и попробовать проследить, как оно все менялось с возрастом? Что ушло необратимо, а что до сих пор, как мне кажется, осталось во мне?

Конечно, мой «побег» из вполне уютного места в Мосочистоводе (ударение надо ставить на начальнЫй слог Мос!) в какое-то никому не ведомое азиатское Темиртау (здесь ударение должно быть на окончании тау, гора, тюрк.) сам по себе воспринималось моими родными и друзьями как романтическая нелепость, близкая к патологии. А я – я себя очень заужавал и чувствовал почти счастливым от того, что решился на этот, прямо скажем, не очень осмысленный поступок. Ведь идти вперед «наперекор всему» (и даже здравому смыслу!) – это первый признак человека сильной воли, такого, как например, ибсеновский Бранд. Тогда я еще не знал про Козьму Пруткову и его мудрый афоризм: «Бывает, что усердие превозмогает и рассудок».

Однако шутки в сторону – именно Темиртау явилось тогда для меня почти идеальным полигоном для тренировки собственной «железной воли». Для этого, в первую очередь, была важна простота организации жизни. Я работал сменным химиком в цеху, что отнимало у меня шесть часов в день, а все остальное время принадлежало целиком мне, и я мог распоряжаться им, как хотел. Я решил, что три часа каждый день у меня будет уходить на иностранные языки: в программе углубленное изучение английского и освоение начальной грамоты французского

и немецкого языков. Не менее двух часов должны были быть отданы поддержанию физической формы, включающему усиленную зарядку с утра и что-то вроде тренировки (бег, лыжи) днем. Иными словами, я предполагал в дополнение к моей работе на заводе устроить себе еще почти полновесный рабочий день в учебе и на тренировках. Да, скажет искушенный читатель: знаем мы этот юношеский максимализм, все эти программы – против прозы жизни они устоять не могут, и уже через пару-другую месяцев о них и не вспоминают.

Но по отношению ко мне, тогда очень молодому и наивному романтику, этот скепсис был абсолютно не применим: принятая мною тогдашняя житейская программа выполнялась неукоснительно, без каких-бы то ни было скидок на воскресные или праздничные дни, или же еще какие уважительные «форс-мажорные» обстоятельства. К примеру, обязательная ежедневная часовая зарядка с гантелями могла делаться в четыре утра, если моя рабочая смена началась в шесть, или в полдень, если была ночная смена и с работы я приходил в семь утра.

Естественно, что подобная «упертость» вызывала немало насмешек от приятелей. Особенно в первые месяцы моей жизни в Темиртау, когда оказалось, что я совершенно не склонен изменять принятое мной личное расписание, даже если это требовалось для участия в вечеринках, для хождения по гостям или просто трепотни. Получалось так, что я был почти исключен из жизни нашей молодой компании. Но что поделаешь, у каждого могут быть свои «бзики», и мало-помалу друзья примирились с моими чудачествами. В конце концов это перестало восприниматься как просто «дурья блажь» или – что много хуже – как свидетельство высокомерного снобизма. Временами я даже ощущал нечто похожее на уважение к моему, столь явно выраженному, стремлению не транжирить время на пустяки, а использовать его по максимуму для подготовки к поступлению в аспирантуру. А я с самого начала четко обозначил для себя именно это, как свою главную цель пребывания в казахской глубинке. Но имелся еще один и, может быть, самый важный стимул для всего моего «геройства» а la Martin Eden.

Дело в том, что в Москве я оставил не только родителей и друзей. Мне пришлось расстаться еще и с любимой девушкой – и должен признаться, что это было тяжелее всего перенести. Как я уже говорил раньше, роман этот начался еще в горах на Памире и продолжался все время нашего обратного пути домой, а потом еще несколько недель в Москве, пока я старался оттянуть неизбежное – свой отъезд по распределению в Темиртау.

Конечно, было бы нелепо, если бы я попытался в этих записках передать свои эмоции того времени – все это было неоднократно описано классиками мировой литературы. Понятно, что соревноваться с ними я не могу даже в самых безумных мечтах графомана. Однако же в памяти у меня сохранилось ощущение, что для нас с Нэлкой (напомню, что так звали возлюбленную) погружение в наши романтические отношения было своеобразным открытием нового континента или, если хотите, даже целого мира. Все наши чувства переживались нами так сильно и с такой самоотдачей, что казалось ничего подобного никто и никогда не испытывал. Боже, как это смешно! – наверное, так я должен к этому относиться сейчас, с «высоты» своих 87 лет! Но стоит мне взять в руки наши письма тех далеких времен, как в этих полуистлевших листках я нахожу такие свидетельства искренности и возвышенности наших чувств, что абсолютно неуместными кажутся какие-либо насмешки со стороны зрелых и якобы «уже все познавших» людей. А, между прочим, писем таких было не просто много, а очень много – весь первый год почта доставляла в Москву и обратно по 2—3 письма каждую неделю.

Могут спросить – как такое может быть? Откуда такое богатство событий и впечатлений у вполне обыкновенных молодых людей в их обыденной жизни в глухой провинции? Все просто и даже примитивно: вообще-то в жизни каждого в любой день жизни что-то происходит, о чем можно сразу сообщить близкому человеку. Если же писать не чаще, чем раз в месяц, то быстро убеждаешься, что ничего по-настоящему значительного за это время не произошло и, на самом деле, писать просто не о чем. Парадокс? Ничуть, это абсолютно логичное заключение, и в его справедливости каждый легко может убедиться, если захочет, на собственном опыте.

Я уже писал о том, что судьба преподнесла мне, так сказать, «в одном флаконе» вместе с черной меткой, в виде путевки в Темиртау, еще и неожиданную удачу – в Караганде, конечной станции моего путешествия, я встретился с Юрой Тувиным (сейчас он – Тувим). Я не любитель мистики, но с уверенностью могу сказать, что наша встреча с Юрой была в некотором смысле predetermined. А как можно к этому относиться иначе, если буквально в течение первых же недель выяснилась полная схожесть в нашем отношении к жизни и к людям вообще и какое-то очень теплое и заботливое отношение друг к другу. К моему немалому удивлению, я обнаружил, что этот, случайно встреченный, человек вдруг оказался для меня самым близким другом. Именно от Юрки, я и перенял привычку часто писать письма – он сочинял послания своей любимой девушке гораздо чаще, чем я, – каждый день!

Не знаю, считать ли это наивностью юности или чем-то еще, столь же простодушным, но в те далекие времена я действительно верил в то, что нам с Нэлкой разлука не страшна. Почему-то тогда мне даже в голову не пришло, насколько точно мои эмоции вписывались в рамки хорошо знакомой и слегка ироничной зарисовки, давно созданной классиком в образе Ленского, который: «верил, что душа родная // Соединиться с ним должна, // Что, безотрадно изнывая, // Его вседневно ждет она;».

Но, признаюсь, что даже если бы в свое время мне и вспомнились эти слова о Ленском, я бы и не подумал их применять к себе – я ведь был не из романтического Геттингена XIX века, а из вполне реальной Москвы XX-го! Для меня гораздо более актуально и убедительно звучали слова А. И. Куприна из невероятно трогательной повести «Олеся»: «Разлука для любви то же, что ветер для огня: маленькую любовь она тушит, а большую раздувает еще сильнее». Я не мог удержаться, чтобы не переправить Нэлке это высказывание, и, естественно, получил восторженно-утвердительный ответ: «Ну прям, про нас с тобой!». Хорошее начало для эпистолярного романа, не так ли?

Весь первый год пребывания в Темиртау проходил для меня в «послушничестве идеи железной воли», подкрепленном не менее требовательной идеей служения нашему возвышенному чувству. Наверное, со стороны это выглядело довольно комично, когда совсем еще молодой парень ведет аскетичный образ жизни, почти не ходит на выпивки, не ухаживает за девушками, даже в кино и на вечеринках всегда держится двух-трех своих приятелей – явно что-то у него не все в порядке, в голове или в другом месте. Почему-то посредине зимы этому чудаку взбрело в голову обзавестись коньками и вечерами закладывать круг за кругом на местном стадионе – в одиночку? что за блажь? Для кого блажь, а для меня это было частью рабочей программы: Нэлка обожала бегать на коньках, мог ли я отстать, хотя коньки я ненавидел!

А еще она записалась в горнолыжную секцию. Здесь с горами было все в порядке – на противоположном от нас пустынном берегу Темиртауского озера стояли довольно высокие холмы. Но я даже не подозревал о существовании горных лыж и специальных ботинок, а просто купил широченные и длиннющие охотничьи лыжи, кое-как приспособил к ним крепления и отправился в путь. Никакого понятия о технике поворотов на спуске у меня не было.

Но все это не могло меня остановить, и вот я уже лечу с вершины холма вниз, изо всех сил стараюсь «загребать» лыжами, чтобы таким «методом руления» заставить их повернуть направо или налево. Последовало неотвратимое паденье, но я снова наверху и снова поехал вниз – с тем же результатом. Тут я решил, что, наверное, я просто не разогнался как следует, и в очередной раз доехал почти до низу, но тут наст провалился, и со всего размаху я плюхнулся ничком в снег. Встал, вся рожа в крови, и уныло побрел домой через заметенное снегом замерзшее озеро, осознавая с грустью, что горнолыжник из меня не получится.

На следующий день было очень забавно видеть лица моих лаборанток, сочувственные и недоверчивые, когда я пытался им объяснить, что моя исцарапанная физиономия – результат катания на лыжах. Никто при этом не произнес вслух обычное для таких случаев – «Пить надо меньше!», но и без таких слов все было понятно. Много позже я понял, что тогда, в Темир-

тау, я пытался применить для поворотов на лыжах технику Гайаваты, когда он плыл на каное: «Мысль ему веслом служила, а рулем служила воля!». Как известно, эта техника великолепно работала в случае индейского вождя. А вот моей силы воли явно не хватило на то, чтобы управлять лыжами.

Подошёл конец долгой и жесткой казахстанской зимы, и меня неудержимо потянуло в Москву. С немалым трудом я устроил себе отпуск за свой счет, купил билет на самолет (деньги я тогда зарабатывал немалые!), и вот я уже сижу на центральной аллее МГУ, ведущей к главному входу, и жду свою ненаглядную. Вот и она, такая же прелестная, как и была полгода тому назад на Казанском вокзале, когда провожала меня в мою Азию. Но что это? Она, вместо объятий и поцелуев, осторожно отстраняется и просит, чтобы я ее выслушал. Вы можете меня расстрелять, но я не запомнил ни слова из того, что она мне сказала, кроме общего смысла, увы, очень банального: «Все между нами кончено, и мы больше не должны встречаться». Слова, наверное, были другими, но это все неважно. Важно, что я прекрасно помню свое тогдашнее ощущение – будто бы получил «обухом по голове». Все, что я смог тогда выдавить из себя, было: «Прошу тебя уничтожить все мои письма». Что мне немедленно и обещали.

Как я буду теперь жить? – с этим вопросом, понятное дело, не имевшем ответа, я провёл следующую неделю жизни в Москве, слоняясь между Университетом и домом, встречаясь с родными и друзьями. Почти все из встреченных мною после первых же слов приветствий смотрели на меня с нескрываемым сочувствием и начинали допытываться, что это такое со мною приключилось. «Укатали Сивку крутые горки!» – так полушутя-полусерьезно заключил один из моих приятелей. Иногда, чтобы никого не видеть, я наведывался в кинотеатры смотреть какие-то фильмы, название которых припомнить нет никакой возможности. Одним словом, в чистом виде убивал время (которое так бережно расходовал в Темиртау!). А потом маятник также неожиданно качнулся обратно...

Случилось так, что я, будучи в настрое, ну совершенно мизантропическом, взял да и отправился на три дня в майский поход с друзьями из альпсекции МГУ. Просто в надежде хоть как-то рассеяться. И там, в один восхитительный весенний вечер, когда мы всю ночь провели у костра – что может быть веселее в молодости, чем шутки, песни, байки и розыгрыши в компании таких дорогих людей, – ближе к утру оказалось, что мы с Нэлкой сидим почти рядом. Я не в силах был никуда уйти, а просто старался даже не глядеть в ее сторону. Вдруг она как-то по-особенному взглянула на меня, мы поднялись и пошли прочь от костра. И тут я услышал: «Вилечка, забудь о том разговоре в Москве. Это была просто нелепая ошибка. Я тебя по-прежнему люблю!». Остаток ночи мы бродили по лесу, взявшись за руки, и у меня было такое чувство, что я воскрес в буквальном смысле слова и осознал, что снова живу, да, да – живу!!

О продолжении мне не очень интересно вспоминать. Были последние три дня моего майского пребывания в Москве, которые прошли как в счастливом тумане. Потом был снова Темиртау и на пару месяцев очень душевное продолжение нашего романа «в письмах». Затем в июле мы оказались вместе на Кавказе, в Адырсу – я инструктором в альплагере «Химик», а Нэлочка как разрядник на сборе МГУ.

Мне предстояло еще год отработать в Темиртау, а Нэлке закончить дипломную работу на физфаке МГУ. Понятно, что только после этого можно будет говорить о каких-то планах устройства семьи. Значит, снова разлука – ну и что, к этому мы уже привыкли. К тому же верилось, что в этот раз «ветер разлуки» уж точно не сможет погасить наши чувства (все по Куприну!).

Но судьбе было угодно решить все совершенно иным образом. За какие-то две-три недели, что я смог провести в Москве перед возвращением в Темиртау, наш роман пролетел от пронзительной «станции»: «Не могу себе представить, как я буду жить без тебя» (ее под-

линные слова, и я их помню по сей день) до конечного тупика: «Расстанемся навсегда. Так будет лучше».

Второй раз – «обухом по голове» – уже не так больно, как в первый, но долгое время мне не давал покоя совершенно дурацкий вопрос: «Почему это могло случиться? Чем же я не хорош?». Для меня, с моими юношескими комплексами неполноценности, было очень легко приписать себе какие угодно изъяны. Но ответ был самоочевиден: в то время нельзя было представить себе ничего более абсурдного, чем картинка под названием «Вилька – отец семейства». В самом деле: совершеннейший голодранец, ни кола ни двора, с сомнительной репутацией («просто так» – не вышлют из Москвы с красным дипломом на завод в азиатскую глушь), с явно подозрительной родословной: мама – еврейка из Сморгони, отец – и вовсе из Америки (американец! только этого нам не хватало!). Мне же в то время даже в голову не могло прийти взглянуть на мои проблемы под таким, совершенно нормальным, углом зрения.

Но, видимо, родители моей Нэлки были более «зрячими» людьми. К тому времени наш роман не был для них тайной, и они были изрядно обеспокоены несколько необычной личностью избранника дочери. И вот как-то раз любимая мне сказала, что ее мама/папа хотели бы со мной познакомиться.

Смотрины состоялись в Большом театре, куда я пригласил моих будущих родственников на оперу «Царская невеста». Уступая настояниям Нэлки, по такому случаю я заменил мой привычный свитер на пиджак и даже прицепил галстук. Попутно замечу, что с тех давних пор во мне осталась острая нелюбовь к пиджакам, а что касается галстуков, то их я вообще выкинул из своего гардероба. В антрактах я старался поддерживать светский «культурный разговор» о постановке спектакля, об исполнителях – мне особенно запомнился баритон в роли Григория Грязного. Спросили о моих делах – я поделился планами поступления в аспирантуру, с охотой рассказывал про свое семейство. Даже объяснил, откуда у меня такие имя/отчество/фамилия. Но все это меня не спасло от провала – я не услышал в свой адрес ни одного приветливого слова. Конечно, формально все выглядело вполне пристойно, но главное заключение читалось безошибочно: «Он (т.е. я) не нашего племени! Его странные для нашего слуха имя, фамилия, отчество слишком уж чужие. Трудно ожидать, что в дальнейшем этот странный юноша найдет возможность применения своим способностям (если, конечно, таковые у него имеются). Квартиры нет, связей никаких... И что: вот так, взять да и отдать за него свою дочь?»

Я, конечно, так и не узнал доподлинно, что конкретно побудило мою девушку к окончательному разрыву наших отношений, но довольно скоро принял его как нечто неизбежное. Просто мне стало ужасно плохо. Как приклеенные ко мне, звучали слова, вложенные Ю. Тыняновым в уста Пушкина, и адресованные его лицейскому другу Кюхельбекеру: «Люблю тебя, как брата, Кюхля, но, когда меня не станет, вспомни мое слово: ни друга, ни подруги не знать тебе вовек. У тебя тяжелый характер!» Между прочим, Кюхлю звали также, как и меня (Вильгельм – это немецкий вариант того же имени Вильям).

Помнится, что меня ужасно задело то, с какой легкостью Нэлка буквально «выдала» мне финальный отказ всего лишь через несколько дней после самых пылких признаний. Со временем все это перестало меня удивлять, особенно, когда мне случайно попались на глаза слова одного из монологов Гамлета в начале шекспировской трагедии: «О, женщины, вам имя – вероломство!» (перевод Б. Пастернака). Не правда ли, звучит вполне утешительно во всех подобных ситуациях. Совсем недавно по какому-то случаю мне захотелось проверить точность этой цитаты. Оказалось, что с цитатой все в порядке – я ее правильно запомнил, но, к моему немалому удивлению, выяснилось, что перевод Б. П. имеет мало общего с оригиналом Шекспира. Действительно, в оригинале фраза звучит так: *Frailty, thy name is woman!* Если взглянуть в современные словари, то слово *Frailty* может означать:

- 1) слабость, хрупкость, бренность, немощь, непрочность
- 2) нежизнеспособность

3) немощность

Стоит упомянуть, что русскому слову «вероломство» в английском языке соответствуют два слова, почти синонимы: «treachery» и «perfidity». Не трудно видеть, что ничего даже близко приближающегося по смыслу к понятию «вероломство» не содержится в «отзыве» Гамлета о женщинах. К тому же отмечу, что в оригинале у Шекспира эти слова даны в форме единственного числа, как упрек, адресованный конкретной женщине (его матери Гертруде), при чем frailty выступает в роли подлежащего в этой фразе. Вспомним также, что в тот момент Гамлет еще ничего не знает о том, что его отец был злодейски убит. А в переводе Пастернака эта же фраза начинается со слов «О, женщины...» и звучит она почти как приговор, адресованный всей прекрасной половине рода человеческого.

Не берусь предполагать, что побудило Бориса Леонидовича к такому ужесточению той, в общем-то довольно снисходительной, оценки поступка конкретной женщины, своей матери, что прозвучала в словах Гамлета. Примечательно, что в черновиках перевода пьесы у Пастернака приводится весь тот перечень вариантов словарных значений слова «frailty» на русском языке, что приведен мною выше. Трудно удержаться от предположения, что выбор слова «вероломство», резко отличного по смыслу от всех этих вариантов, не был совсем произвольным для поэта, а скорее случился как отражение мотивов чисто личного характера. Вряд ли можно сказать об этом в более определенном смысле – во всяком случае, я бы не хотел здесь этого делать. Но любой желающий может обратиться к автобиографической «Охранной грамоте», а также письмам Б. Л. и его родных, чтобы понять, с какими глубочайшими драматическими потрясениями поэт сталкивался в молодости, переживая перипетии своих любовных романов. В частности, именно об этом сказано в одном из замечательных стихотворений раннего Пастернака «Марбург».

Если же снова вернуться к словам Гамлета, то мне кажутся определенно более адекватными другие варианты их перевода, как например: «Бренность, ты // Зовешься: женщина!» (М. Лозинский, 1933г) или «Слабость – имя // Твое, о женщина!» (Анна Радлова, 1937). Во всяком случае, с высоты своего жизненного опыта я могу определенно утверждать, что среди мужчин вероломство встречается не реже, чем среди женщин.

Темиртау – 5. Чего я там искал и что нашел?

Возвратимся снова к осени 1954 года, когда мне предстояло вернуться в Темиртау и как-то по-новому устраивать там свою жизнь. Служение «прекрасной даме» закончилось – и это означало, что оборвалась одна из главных нитей, связывающих меня с Москвой. Конечно, там жили мои родители, которые просто мечтали, чтобы я вернулся в столицу, но ни своей квартиры, ни работы там не было, и оставалась надежда только на аспирантуру. Однако же, если меня не оставили в аспирантуре сразу после окончания Университета, то где гарантия, что меня туда допустят теперь?

На самом деле, здесь было самое время остановиться и задуматься: а вообще-то «стоила ли игра свеч?» Ведь в Темиртау на заводе у меня были очевидные и очень неплохие возможности сделать карьеру, поднимаясь по обычной «служебной лестнице» – инженер/технолог цеха/начальник цеха и т. д. Со временем и квартиру бы дали от завода. Конечно, при этом надо было бы забыть про науку, но кто сказал, что наука – это самое интересное в жизни? Ведь химическое производство завода также открывало некоторые перспективы творчества, хотя бы по части улучшения технологии и организации производства, уже не говоря об очевидной полезности твоей практической деятельности. В подобных раздумьях прошли последние дни моего пребывания в Москве.

В один из таких осенних дней 54-го года я зашел на химфак МГУ, где встретил своего профессора, Александра Петровича Терентьева, заведующего лабораторией, где я делал диплом. Он попросил меня зайти к нему и с большим участием стал меня расспрашивать о моем заводе, о моих текущих делах и планах на будущее. Я не был избалован подобным вниманием со стороны своих преподавателей и довольно подробно рассказал о том, что делается на заводе вообще и чем конкретно я там занимаюсь. При этом также не преминул сказать о своем настроении покинуть науку вообще и уйти в химическое производство – «поскольку я точно знаю, что там я буду приносить пользу». Профессор терпеливо меня выслушал, а потом сказал примерно следующее: «Я ведь наблюдал за тем, как Вы у нас работали, начиная с первого курса. Мне уже тогда было ясно, что Ваше призвание – академическая наука. Конечно, жаль, что Вас не удалось оставить у нас в аспирантуре – но это решали не мы. Сейчас Вы должны отработать там на заводе свой срок, но затем обязательно возвращайтесь в Москву, в аспирантуру. Кроме всего прочего, учтите, что Вы уже испробовали вкус занятий наукой и осознали, что у Вас это получается хорошо. А раз так, то это уже не забудется, и никакое другое занятие не даст Вам настоящего удовлетворения».

Тогда эта беседа для меня была, как долгожданный глоток воды для жаждущего человека. Потом я еще походил по лабораториям химфака, поболтал с друзьями, окунулся в привычную атмосферу запахов и разговоров про всякие любопытные реакции, что происходили здесь же на глазах. На одном столе что-то перемешивалось и кипятилось в огромных колбах, на другом – шла вакуумная перегонка, на третьем – на стенках перевернутой воронки возникали игольчатые кристаллы – шла возгонка продукта из какой-то черной «смази». В памяти стали оживать похожие картинки, почти забытые мной за время темиртаусской «ссылки» ... Тут я даже удивился сам себе – неужели я всерьез собирался забыть и оставить все то, что со школы служило для меня источником подлинного наслаждения? Ведь это все, как тот самый «вкус мяса», что, как известно, забыть нельзя!

Ещё я выяснил, что почти невозможно, чтобы меня приняли на будущий год в аспирантуру МГУ – все-таки требовалось отработать на заводе не два, а три года. Правда, в Институте органической химии мне объяснили, что в виде исключения и через два года могут принять в аспирантуру, но только в заочную. И, конечно, при условии, что все вступительные экзамены

я сдам «на отлично». Это был вызов – как раз то, что мне требовалось, чтобы запуститься на подготовку к предстоящему испытанию на полные обороты!

Шесть часов рабочего дня на заводе – больше ничего я не был должен отдавать родному государству. Но даже это не требовало от меня каких-либо заметных умственных или физических усилий. На работе я чувствовал себя довольно свободно – самое добросовестное исполнение обязанностей занимало не более двух часов. Все, что мне полагалось делать – это обеспечивать аналитический контроль за процессом гидратации ацетилена. Первые дни я было пытался как-то следить за тем, как мои лаборантки отбирали пробы и делали анализы. По наивности я как-то даже задал вопрос, касательно допустимой ошибки в определении каких-то параметров (все-таки я еще кое-что помнил из аналитического практикума химфака). Но ответ последовал категоричный – «Вильям Артурович, ошибок мы не делаем, за ошибки с нас снимают премиальные!». Здесь я все понял, никаких дурацких вопросов больше не задавал, а осознал, что от меня ожидали лишь одного: своей подписью подтвердить достоверность цифр, которые мои лаборантки записывали в журнале. Конечно, это тоже отнимало некоторое время, но, как правило, часа два у меня оставалось на то, чтобы читать учебники по химии или книги на английском языке.

В тот год я впервые прочел «Сагу о Форсайтах» в русском переводе, и она настолько меня пленила, что я решил прочесть ее в оригинале. Но где ее добыть? Пошел в единственный книжный магазин в Темиртау и спросил просто так, на удачу: «Есть ли у вас „Сага о Форсайтах“ на английском языке?». «А Вам зачем?» – изумились продавцы. Мой ответ: «Читать!» – их удивил и обрадовал. Дело в том, что с полгода назад им прислали все шесть томов прекрасно изданной «Саги» на английском языке, но ни разу никто не поинтересовался этим сокровищем. Видимо, роман Голсуорси ждал именно меня!

Сначала я впал в отчаяние – ведь действительно мучительно читать увлекательную книгу со скоростью одна страница в час. Вот здесь-то мне и пригодились уроки воспитания «железной воли», которые «отлились» в виде свода простых, но непреложных правил: каждый день прочитывать не менее двух страниц текста, выписывая все незнакомые слова, с тем чтобы затем их выучивать наизусть. Слова эти записывались на отдельных бумажках, и весь день я не переставал доставать из карманов какие-то листочки, что-то бормотал и прятал обратно – та еще была картинка! Ничего оригинального я не придумал – примерно так занимался самообразованием мой герой той поры, Мартин Иден. Самое удивительное, что эта система сработала: уже через месяц я мог прочитывать две-три страницы в час, а еще через пару-тройку месяцев стал читать роман почти свободно и с огромным удовольствием.

С такой же одержимостью я занимался углублением своих познаний по органической химии. Каждый день на это отводилось не менее 3—4 часов. С собой я привез пару неплохих учебников, конспекты некоторых лекционных курсов и с десятков монографий. Все это я прорабатывал с поистине ослиным упрямством, даже не очень задумываясь над тем, а понадобится ли это мне?

Дополнительным источником информации была очень хорошая библиотека, вывезенная из Германии (как, впрочем, и весь Карагандинский завод синтетического каучука, бывший завод Буна-Верке в Шкопау). Немало времени я, не вылезая, сидел в этой библиотеке, листая старые немецкие химические журналы и попивая чаек, коим потчевала меня библиотечарша, солидная дама, жена директора нашего завода.

От этой дамы я и услышал много любопытного про нашу тамошнюю жизнь и, в частности, впервые узнал про знаменитый лагерь Долинка под Карагандой. Кто только из знаменитостей не побывал там в роли эков – не берусь припомнить все имена. Зато хорошо помню ее рассказы о том, как она время от времени ездила вместе с другими начальствующими особами в этот филиал Гулага на консультации у врачей (эков, естественно) или на концерты артистов

(тоже эков), а по весне – за редиской и даже спелой парниковой клубникой, выращенных трудами все тех же эков.

Горы исписанной бумаги, заполненные химическими формулами и уравнениями реакций, которые я потом привез в Москву, – наглядно свидетельствовали о моем «усердии, явно превосходящем рассудок» (по К. Пруткову). Эти конспекты мне оченьгодились при подготовке к вступительным экзаменам в аспирантуру. Но еще важнее была приобретенная уверенность в том, что я «научился учиться» и без проблем мог осваивать совершенно новый для себя материал из самых различных областей химии.

В сентябре 1955 года меня допустили к приемным экзаменам в аспирантуру ИОХ'а. Экзамены по языку и философии прошли для меня незаметно; ведь главным был экзамен по органической химии. Здесь на меня свалилось совершенно невероятное везение. Действительно, первым вопросом билета была химия ацетиленовых соединений, а вторым – методы синтеза индолов. Так вот, могу доложить, что я еще со школы интересовался ацетиленами и проработал досконально всю доступную мне литературу по этому вопросу, а что касается второго вопроса, то его я самым подробным образом изучал в ходе работы над своим дипломом.

Не хвалясь, берусь утверждать, что вряд ли кто из экзаменаторов мог сообщить мне что-то новое по первому или второму из этих вопросов. Когда я увидел такой билет, моим первым желанием было попросить заменить его – иначе получалось почти нечестно, как будто бы мне его подсунили по благу или я сам себе его «нарисовал». Но подобные «угрызения совести» не очень долго меня мучили, и я без всякой подготовки, с ходу, пустился рассказывать все, что я знал по билету. Блеснуть по-настоящему мне не удалось – экзаменаторы вскоре поняли, что сам я еще долго не остановлюсь, и, к моему огорчению, меня прервали, не дав высказаться хотя бы наполовину. Задали еще пару проверочных вопросов по химии вообще, потом спросили: а в какую лабораторию Вы бы хотели поступить?

Далее мною занялась заведующая аспирантурой ИОХ'а Екатерина Павловна Каплан, которая в деталях расспросила, откуда я взялся такой и где так выучился органической химии, да и английскому тоже. Сказала, что она не припомнит, когда последний раз так хорошо отвечали по органической химии.

С той поры прошло уже больше 60 лет, но я должен сказать, что среди официальных лиц мне редко встречался кто-либо, подобный Е.П., с такой же чуткостью и искренне добрым отношением ко всем, кто попадал в орбиту ее ответственности. Я точно знаю, что в этом со мною будут солидарны еще многие сотни (так!) абитуриентов, прошедших через заботливые руки Е. П. Каплан. Она скончалась в 2012 году, немного не дожив до 100-летнего юбилея. Да будет ей земля пухом!

Что касается выбора лаборатории ИОХ'а, куда мне хотелось бы пойти, то для меня здесь было все ясно. Конечно же, в лабораторию Ивана Николаевича Назарова! Чем же был продиктован мой выбор? Дело в том, что последний спецкурс, что я прослушал в Университете, нам читала профессор Роза Яковлевна Левина. Читала она совершенно блистательно и не только потому, что у нее был подобран великолепный материал по современному органическому синтезу. Она удивительным образом сочетала в своих лекциях строгий академизм в изложении фактического материала с эмоциональной выразительностью повествования. Особенно ярко все это проявилось, когда она рассказывала нам о тех замечательных результатах, что были получены в лаборатории академика Назарова. Вот тогда-то у меня и зародилось желание: «Хорошо бы попасть к нему в лабораторию!».

И вот сразу после экзамена и разговора со мной Екатерина Павловна буквально «берет меня за ручку» и ведет в кабинет к самому Ивану Николаевичу. Аудиенция была довольно короткой: И. Н. уже знал, что экзамен по химии я сдал «на отлично», и ко мне у него был единственный вопрос: почему я решил поступать в заочную аспирантуру? Я объяснил, что это не мой выбор, а просто таковы правила для молодых специалистов – необходимо отработать

три года по распределению, а у меня прошло лишь два года работы на заводе. На это мне было сказано примерно следующее: «Заочная аспирантура приемлема лишь в том случае, если у абитуриента имеется возможность выполнять эксперимент по месту основной работы. Вряд ли это исполнимо в условиях Карагандинского завода синтетического каучука в Темиртау – не так ли? Следовательно, мы постараемся Вас зачислить в обычную аспирантуру. Конечно, это потребует каких-то дополнительных хлопот и определенного времени, поэтому пока Вам надлежит вернуться на работу на завод и ждать вызова от нас».

Надо ли говорить, насколько я чувствовал себя окрыленным после разговора с И. Н! Тогда для меня это был первый и так много значивший успех в жизни!

* * *

Второй год моего пребывания в Темиртау, когда полностью исчезла любовно-романтическая составляющая моей жизни, оказался для меня особенно полезным. Конечно, я довольно долго отходил от травмы, причиненной разрывом с Нэлкой. В тот год девушки просто перестали для меня существовать – я их старался обходить стороной. В этом были свои плюсы – не было соблазна как-то случайно жениться, что вполне могло произойти с молодым человеком в моей ситуации.

К концу моего пребывания в Темиртау я как-то незаметно вылечился от комплекса «человека с железной волей». Мне вдруг стало просто неинтересно себя все время заставлять что-то делать. Оказалось, что и без этого можно прекрасно обойтись, хотя, в принципе, совсем неплохо иметь уверенность в том, что, если понадобится, можно кликнуть на помощь своего верного коня, «железную волю», и она никогда тебя не подведет.

Но, пожалуй, было бы неправильно закончить разговор на эту тему, не вспомнив про замечательный рассказ Николая Лескова «Железная воля». Сюжет рассказа Лескова довольно бесхитростен. Его герой, немецкий инженер Гуго Карлович Пекторалис, предстает перед читателем как человек с «железной волей», способный преодолеть все преграды, чтобы достичь своей цели. Гуго абсолютно убежден в том, что эта его «воля» является неким несокрушимым инструментом, наподобие тарана, способным пробить дорогу к успеху даже в самых неблагоприятных условиях азиатчины провинциальной России.

Первоначально «железная воля» Пекторалиса помогла ему выжить в условиях в зимней России без всяких теплых вещей и при полном незнании русского языка. Потом он смог быстро наладить работу присланных из Германии машин, начал зарабатывать деньги, но выяснилось, что реальная жизнь, со всей своей алогичностью и даже дремучестью, не спешит уступать его напору. А под конец судьба сыграла с ним злую шутку: придя на поминки своего врага, Сафроныча, он самоуверенно заявил, что съест блинов больше, чем батюшка отец Флавиан. Но в этот раз несокрушимая «железность» воли Пекторалиса не смогла ему помочь. «Героическая попытка» сокрушить слабоволие и апатию русского человека потерпела неудачу: Гуго подавился очередным блином и бесславно скончался.

Здесь стоит обратиться к судьбе другого литературного героя, который мог похвастаться волей, не менее «железной», чем у Гуго Карловича. В уже упоминавшемся мною романе Джека Лондона «Мартин Иден» очень убедительно показано, как сила характера и воля помогли его герою преодолеть самые невероятные препятствия и достичь всего того, к чему он так самоотверженно стремился – славы, богатства, положения в обществе. Но к немалому удивлению (для него!), он обнаруживает, что эти цели были изначально пустыми и призрачными. К концу герой романа осознал, что его «железная воля» годится только на то, чтобы помочь «надежно» покончить жизнь самоубийством – нырнуть в океане на такую глубину, откуда уже невозможно вынырнуть. Мне представляется, что для романа о человеке с «железным» характером автор не мог бы найти ничего сильнее такой концовки: герой смог выработать в себе такую могучую силу воли, что она оказалась в состоянии переломить даже волю человека к жизни! Вот так,

в конце концов выясняется, что Мартин Иден, этот почти идеальный волевой герой моей юности (он же – кумир не одного поколения молодых людей) оказывается неспособным противостоять давлению реальностей повседневной жизни.

К началу зимы 55 года на завод пришел долгожданный вызов, предлагающий отпустить меня для поступления в аспирантуру ИОХ'а. Я не спеша распрощался с друзьями в Темиртау и перебрался обратно в свой гостеприимный подвал на Чистых прудах. К тому времени отец уже вернулся на свою родину, в Венгрию, и вот я стал, на зависть всем моим друзьям, полновластным хозяином квартиры в центре Москвы.

Здесь можно подвести некоторые итоги. В принципе, можно считать, что у меня пропали впустую два года моей жизни... Или не впустую? Так ли была безумной моя идея отъезда из Москвы? Каков же баланс: два года потерял – это минус, но в плюсе – здорово подучил английский, к чему можно добавить зачатки французского и немецкого языков. Поднаторел в чтении научной литературы, что поступала в библиотеку завода, и стал очень неплохо представлять себе общую направленность наиболее актуальных исследований в нашей стране. Это впоследствии мне помогло, когда я приступил к работе в ИОХ'е. Окружающие подчас могли только удивляться моей эрудиции.

Но все это можно было обрести и не уезжая из столицы. А вот хотя бы чуть-чуть понять, как живет страна и мои соотечественники – вот эта тайна только-только стала передо мною открываться, во многом меня удивлять и в чем-то даже привлекать.

Если же говорить о личных уроках, то важнее всего для меня было то, что я приобрел друга на всю жизнь – не было у меня человека, ближе Юры Тувина и, конечно, если бы не Темиртау, мы бы с ним никогда не встретились. Пережил романтическую первую любовь – это была действительно серьезная душевная травма, но, в конце концов, она тоже пошла на пользу. По крайней мере, немало нового узнал про себя.

Насколько важно было для нас знакомство с Михаил Осиповичем, я уже писал. Хочется добавить только, что по своему культурному уровню мы с Юркой явно происходили из варварского сословия. В самом деле, поэтом для меня был Тихонов с его «Гвозди бы делать из этих людей...» или Симонов со столь же повелительным: «Револьвер в задний, компас в боковой...» и подобные стихи других авторов, где все ясно и однозначно и нет никаких вторых или третьих смыслов. Все просто и понятно, как в романтике шумного и показательного советского героизма, но ни в одном из этих стихотворений нет и тени того эмоционального заряда, что несут в себе стихи Мандельштама. За одно это я благодарен от души Михаилу Осиповичу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.